

Толстой Лев Николаевич

О любви и женщинах: Два очерка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
О любви и женщинах: Два очерка / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77187-0

ISBN 978-5-519-77187-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., 22.

1908.

Любовь.

Жить для цѣлей личности разумному существу нельзя. Нельзя потому, что всѣ пути заказаны ему, всѣ цѣли, къ которымъ влечется животная личность человѣка—всѣ явно недостижимы. Разумное созданіе указываетъ другія цѣли, и цѣли эти не только ^{достижимы}, но дають полное удовлетвореніе разумному ^{сознанію} ~~сознанію~~ ^{человѣка} ~~человѣка~~.

Сначала, однако, подѣ влияніемъ ложнаго ученія міра, человѣку представляется, что цѣли эти противоположны его личности.

Какъ ни старается человѣкъ, воспитанный въ нашемъ мірѣ, съ развитыми, преувеличенными похотями личности, признать себя въ своемъ разумѣ *я*,—онъ не чувствуетъ въ этомъ *я* стремленія къ жизни, которое онъ чувствуетъ въ своей животной личности. Разумное *я*, какъ будто, созерцаетъ жизнь, но не живетъ само и не имѣетъ влеченія къ жизни. Разумное *я* не чувствуетъ стремленія къ жизни, а животное *я* должно страдать, и потому остается одно—избавиться отъ жизни.

Такъ недобросовѣстно разрѣшаютъ вопросъ отрицательные философы нашего времени (Шопенгауэръ, Гартманъ), отрицающіе жизнь и все-таки остающіеся въ ней, вмѣсто того, чтобы воспользоваться возможностью выйти изъ нея. И такъ добросовѣстно разрѣшаютъ этотъ вопросъ самоубійцы, выходя изъ жизни, не представляющей для нихъ ничего, кромѣ зла. Самоубійство представляется имъ единственнымъ выходомъ изъ неразумія человѣческой жизни нашего времени.

Разсужденіе пессимистической философіи и самыхъ обыкновенныхъ самоубійцъ такое. Есть животное *я*, въ которомъ есть влеченіе къ жизни; это *я* съ своимъ влеченіемъ не можетъ быть удовлетворено. Есть другое *я*, разумное въ которомъ нѣтъ никакого влеченія къ жизни, которое только

критически созерцаетъ свою ложную жизнерадостность и страстность животнаго я и отрицаетъ ее всю.

Отдайся я первому,—я вижу, что живу безумно и иду къ бѣдствіямъ, все глубже и глубже погружаясь въ нихъ. Отдайся я второму, разумному я—во мнѣ не остается влеченія къ жизни. Я вижу, что жить для одного того, для чего мнѣ хочется жить, для счастья личности—нелѣпо и невозможно. Для разумнаго же сознанія и можно бы жить, да незачѣмъ и не хочется.

Смотрѣть на всю эту игру жизни можно, пока не скучно. А скучно,—можно уйти, убить себя. Такъ я и дѣлаю.

Вотъ то противорѣчивое представленіе жизни, до котораго дожило человѣчество еще до Соломона, до Будды и къ которому хотятъ возвратить его ложные учителя нашего времени.

Требованія личности доведены до крайнихъ предѣловъ неразумія. Проснувшійся разумъ отрицаетъ ихъ. Но требованія личности такъ разрослись, такъ загромождили сознаніе человѣка, что ему кажется, разумъ отрицаетъ всю жизнь. Ему кажется, что если откинуть изъ своего сознанія жизни все то, что отрицаетъ его разумъ, то ничего не останется. Онъ не видитъ уже того, что остается. Остатокъ, тотъ остатокъ, въ которомъ и есть жизнь, ему кажется ничѣмъ.

Но свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма не можетъ объять его.

Ученіе истины знаетъ эту дилемму—или безумное существованіе или отреченіе отъ него—и разрѣшаетъ ее.

Ученіе истины указываетъ людямъ, что вмѣсто того обманчиваго блага, котораго они ищутъ для животной личности, они всегда имѣютъ дѣйствительное благо, всегда доступное имъ.

Благо это не есть ничто, только выведенное изъ разсужденія, не есть что-то такое, что надо отыскивать гдѣ-то, а то самое знакомое человѣку благо, къ которому непосредственно влечется каждая неразвращенная душа человѣческая.

Всѣ люди съ самыхъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ знаютъ, что, кромѣ блага животной личности, есть еще одно лучшее благо жизни, которое не только независимо отъ удовлетворенія похотей животной личности, но, напротивъ, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше отреченіе отъ блага животной личности.

Чувство это, разрешающее всѣ противорѣчія жизни человѣческой и дающее наибольшее благо человѣку, знаютъ всѣ люди. Чувство это—*любовь*.

милосердіе
Жизнь есть дѣятельность животной личности, подчиненной закону разума. Разумъ есть тотъ законъ, которому для своего блага должна быть подчинена животная личность человѣка. Любовь есть единственная разумная дѣятельность человѣка.

Животная личность влечется къ благу: разумъ указываетъ человѣку обманчивость личнаго блага и оставляетъ одинъ путь. Дѣятельность на этомъ пути есть любовь.

Животная личность человѣка требуетъ блага; разумное сознаніе показываетъ человѣку бѣдственность всѣхъ борющихся между собой существъ, показываетъ ему, что блага для его животной личности быть не можетъ, показываетъ ему, что единственное благо, возможное ему, было бы такое, при которомъ не было бы борьбы съ другими существами, ни прекращенія блага, ни пресыщенія имъ, не было бы предвидѣнія ужаса смерти.

И вотъ, какъ ключъ, сдѣланный только къ этому замку, человѣкъ въ душѣ своей находитъ чувство, которое даетъ ему то самое благо, на которое, какъ на единственное возможное, указываетъ ему разумъ. И чувство это не только разрешаетъ прежнее противорѣчіе жизни, но какъ бы въ этомъ противорѣчіи и находитъ возможность своего проявленія.

Животныя личности для своихъ цѣлей хотятъ воспользоваться личностью человѣка. А чувство любви влечетъ его къ тому, чтобы отдать свое существованіе въ пользу другихъ существъ.

Животная личность страдаетъ. И эти-то страданія и облегченія ихъ и составляютъ главный предметъ дѣятельности любви. Животная личность, стремясь къ благу, стремится каждымъ дыханіемъ къ величайшему злу,—къ смерти, предвидѣніе которой нарушаетъ всякое благо личности. А чувство любви не только уничтожаетъ этотъ страхъ, но влечетъ человѣка къ послѣдней жертвѣ своего плотскаго существованія для блага другихъ.

Всякій человѣкъ знаетъ, что въ чувствѣ любви есть что-то особенное, способное разрешать всѣ противорѣчія жизни и давать человѣку то полное благо, въ стремленіи къ которому состоитъ его жизнь.

„Но вѣдь это чувство, которое приходитъ только изрѣдка, продолжается недолго и послѣд-

ствиемъ его бываютъ еще худшія страданія“ — говорятъ люди, неразумѣющіе жизни.

Людамъ этимъ любовь представляется не тѣмъ единственнымъ законнымъ проявленіемъ жизни, какимъ она представляется для разумаго сознанія, а только одною изъ тысячъ разныхъ случайностей, бывающихъ въ жизни, представляется однимъ изъ тѣхъ тысячъ разнообразныхъ настроеній, въ которыхъ бываетъ человѣкъ во время своего существованія. Бываетъ, что человѣкъ щеголяетъ; бываетъ, что увлеченъ наукою или искусствомъ; бываетъ, что увлеченъ службой, честолюбіемъ, пріобрѣтеніемъ; бываетъ, что онъ любитъ кого-нибудь. Настроеніе любви представляется людамъ, неразумѣющимъ жизни, не сущностью жизни человѣческой, но случайнымъ настроеніемъ, такимъ же независимыхъ отъ его воли, какъ и всѣ другія, которымъ подвергается человѣкъ во время своей жизни. Даже можно часто прочесть и услышать сужденіе о томъ, что любовь есть нѣкоторое неправильное, нарушающее правильное теченіе жизни, мучительное настроеніе, — нѣчто подобное тому, что должно казаться совѣ, когда восходитъ солнце.

Чувствуется, правда, и этими людьми, что въ состояніи любви есть что-то особенное, болѣе важное, чѣмъ во всѣхъ другихъ настроеніяхъ. Но, не понимая жизни, люди эти и не могутъ понимать и любви, и состояніе любви представляется имъ такимъ же бѣдственнымъ и такимъ же обманчивымъ, какъ и всѣ другія состоянія.

„Любить?.. Но кого же? На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно“...

Слова эти точно выражаютъ смутное сознаніе людей, что въ любви—спасеніе отъ бѣдствія жизни и единственное нѣчто похожее на истинное благо, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе въ томъ, что для людей, не понимающихъ жизни, любовь не можетъ быть якоремъ спасенія. Любить некого, и всякая любовь проходитъ. И потому любовь могла бы быть благомъ только тогда, когда было бы кого любить и былъ бы тотъ, кого можно любить вѣчно. А такъ какъ этого нѣтъ, то и нѣтъ спасенія въ любви, и любовь такой же обманъ и такое же страданіе, какъ и все остальное.

И такъ—и не иначе, какъ такъ—могутъ понимать любовь люди, учащіе и сами научаемые тому, что жизнь есть не что иное, какъ животное существованіе.

Для такихъ людей любовь даже не соответствуетъ тому понятію, которое мы всѣ невольно

соединяемъ съ словомъ любовью. Она не есть дѣятельность добрая, дающая благо любящему и любимому. | Любовь очень часто въ представлении людей, признающихъ жизнь въ животной личности, — то самое чувство, вслѣдствіе котораго для блага своего ребенка одна мать отнимаетъ у другого ребенка молоко его матери и страдаетъ отъ безпокойства за успѣхъ кормленія, то чувство, по которому отецъ, мучая себя, отнимаетъ кусокъ хлѣба у голодающихъ людей, чтобы обезпечить своихъ дѣтей; это то чувство, по которому любящій женщину страдаетъ отъ своей любви и заставляетъ ее страдать, соблазняя ее, или изъ ревности губить себя и ее; то чувство, по которому бываетъ даже что человѣкъ изъ любви насильничаетъ женщину, это то чувство, по которому люди одного товарищества наносятъ вредъ другимъ, чтобы отстоять своихъ; это то чувство, по которому человѣкъ мучаетъ самъ себя надъ любимымъ занятіемъ и этимъ же занятіемъ причиняетъ горе и страданіе окружающимъ его людямъ. |

Но мало и этого: дѣятельность любви для людей, признающихъ жизнь въ благѣ животной личности, представляетъ такія затрудненія, что проявленія ея становятся не только мучительными, но часто и невозможными! Надо не разсуждать о любви, — говорятъ обыкновенно, люди непонимающіе жизни, — а предаваться тому непосредственному чувству предпочтенія, пристрастія къ людямъ, которое испытываешь, и это-то и есть настоящая любовь.

Они правы, что нельзя разсуждать о любви, что всякое разсужденіе о любви уничтожаетъ любовь. Но дѣло въ томъ, что не разсуждать о любви могутъ только тѣ люди, которые уже употребили свой разумъ на пониманіе жизни и отреклись отъ благой личной жизни; тѣ же люди, которые не поняли жизни и существуютъ для блага животной личности, не могутъ не разсуждать. Имъ необходимо разсуждать, чтобы предаваться тому чувству, которое они называютъ любовью. Всякое проявленіе этого чувства невозможно для нихъ безъ разсужденія, безъ разрѣшенія неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, люди предпочитаютъ своего ребенка, своихъ друзей, свою жену, своихъ дѣтей, свое отечество всякимъ другимъ дѣтямъ, женамъ, друзьямъ, отечествамъ, и называютъ это чувство любовью.

Любить—вообще значить дѣлать доброе. Такъ мы всѣ понимаемъ и не можемъ иначе понимать любовь. И вотъ, я люблю своего ребенка, свою жену, свое отечество, т. е. желаю блага своему ребенку, женѣ, отечеству больше, чѣмъ другимъ дѣтямъ, женамъ и отечествамъ. Никогда не бываетъ и не можетъ быть, чтобы я любилъ только своего ребенка, или жену, или только отечество. Всякій человѣкъ любить вмѣстѣ и ребенка, и жену, и дѣтей, и отечество, и людей вообще. Между тѣмъ, условія блага, котораго онъ по своей любви желаетъ различнымъ любимымъ существамъ, такъ связаны между собою, что всякая любовная дѣятельность человѣка для одного изъ любимыхъ существъ не только мѣшаетъ его дѣятельности для другихъ, но бываетъ въ ущербъ другимъ.

И вотъ являются вопросы: во имя *какой* любви и *какъ* дѣйствовать? Во имя какой любви жертвовать другую любовь, кого любить больше и кому дѣлать больше добра—женѣ или дѣтямъ, женѣ и дѣтямъ или друзьямъ? Какъ служить любимому отечеству, не нарушая любви къ женѣ, дѣтямъ, и друзьямъ? Какъ, наконецъ, рѣшить вопросы о томъ, насколько можно мнѣ жертвовать и мнѣ нужно заботиться о себѣ для того, чтобъ я могъ, любя другихъ, служить имъ?

Всѣ эти вопросы кажутся очень простыми для людей, не пытавшихся дать себѣ отчетъ въ томъ смыслѣ, которое они называютъ любовью; но они не только не просты, они совершенно не разрѣшимы; отвѣчать на эти вопросы кажется очень легко только людямъ, забывающимъ настоящія условія жизни человѣческой.

Только если бы люди были боги, только тогда они бы могли любить однихъ избранныхъ людей, тогда бы только и предпочтеніе однихъ другимъ могло быть истинною любовью. Но люди—не боги, а находятся въ тѣхъ условіяхъ существованія, при которыхъ всѣ живыя существа всегда живутъ одни другими, пожирая одни другихъ и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ; и человѣкъ, какъ разумное существо, долженъ знать и видѣть это. Онъ долженъ знать, что всякое плотское благо получается однимъ существомъ только въ ущербъ другому.

Въ той давнѣй и борьбѣ животныхъ интересовъ, которые составляютъ жизнь міра, человѣку невозможно любить избранныхъ, какъ это воображаютъ люди не понимающіе жизни. Человѣкъ,

если онъ любить хотя и избранныхъ, никогда не любить только одного. Всякій человѣкъ любитъ и мать, и жену, и ребенка, и друзей, и отечество, и даже всѣхъ людей. И любовь не есть только дѣятельность (какъ всѣ согласны въ этомъ), но есть дѣятельность, направленная на благо другихъ. Дѣятельность же эта не происходитъ въ какомъ нибудь опредѣленномъ порядкѣ, такъ что сначала заявляются человѣку требованія его самой сильной любви, потомъ менѣе сильной и т. д. Требованія любви заявляются безперестанно всѣ вмѣстѣ, безъ всякаго порядка. Сейчасъ пришелъ голодный старикъ, котораго я немножко люблю и просить ѣды, которую я берегу на ужинъ любимымъ мною дѣтьямъ; какъ мнѣ взвѣсить требованія сейчасной, менѣе сильной любви, съ будущими требованіями болѣе сильной любви?

Какъ рѣшить, кому нужно служить и въ какой мѣрѣ: людямъ или отечеству? отечеству или своимъ пріятелямъ? своимъ пріятелемъ или своей женѣ? своей женѣ или своему отцу? своему отцу или своимъ дѣтямъ? своимъ дѣтямъ или самому себѣ? (чтобы быть въ состояніи служить другимъ, когда это понадобится).

Вѣдь, все это требованія любви, и всѣ они переплетены между собою такъ, что удовлетвореніе однихъ лишаетъ человѣка возможности удовлетворить требованіямъ другихъ. Если же я допущу, что озябшаго ребенка можно не одѣть, потому что моимъ дѣтямъ когда-нибудь понадобится то платье, которое у меня просятъ, то я могу не отдаваться и другимъ требованіямъ любви во имя моихъ будущихъ дѣтей.

Точно то же по отношенію къ любви къ отечеству, къ избраннымъ занятіямъ и ко всѣмъ людямъ. Если человѣкъ можетъ отказывать требованіямъ самой малой любви настоящаго во имя требованія самой большой любви будущаго, то развѣ не ясно, что такой человѣкъ, если бы онъ всѣми силами и желалъ этого, никогда не будетъ въ состояніи взвѣсить, насколько онъ можетъ отказать требованіямъ настоящаго во имя будущаго, и потому, не будучи въ силахъ рѣшить этого вопроса, всегда выберетъ то проявленіе любви, которое будетъ пріятно для него, т. е. будетъ дѣйствовать не во имя любви, а во имя своей личности. Если человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше воздержаться отъ требованій настоящей, самой малой любви, во имя другого, будущаго проявленія большой любви,

го онъ обманываетъ или себя или, другихъ, и никого не любитъ, кромѣ себя одного.

Любви въ будущемъ не бываетъ; любовь есть только дѣятельность въ настоящемъ. Человѣкъ же, не проявляющій любви въ настоящемъ, не имѣетъ любви.

Происходитъ то же, что при представленіи о жизни людей, не имѣющихъ жизни. Если бы люди были животныя, и не имѣли бы разума, они бы и существовали какъ животныя, не разсуждали бы о жизни; и животное существованіе ихъ было бы законное и счастливое. То же съ любовью: если бы люди были животныя безъ разума, то они любили бы тѣхъ, кого любятъ: волчатъ и свое стадо, и не знали бы того, что другіе волки любятъ своихъ волчатъ и другія стада—своихъ товарищей по стаду, и любовь ихъ была бы та любовь и та жизнь, которая возможна на той степени сознанія, на которой они находятся.

Но люди—разумныя существа и не могутъ не видѣть, что другія существа имѣютъ такую же любовь къ своимъ, и что потому эти чувства любви должны придти въ столкновеніе и произвести нѣчто не благое, а совершенно противное понятію любви.

Если же люди употребляютъ свой разумъ на то, чтобы оправдывать и усиливать то животное или благое чувство, которое они называютъ любовью, придавая этому чувству уродливые размѣры, то это чувство становится не только не добрымъ, но дѣлаетъ изъ человѣка—давно извѣстная истина—самое злое и ужасное животное.

То, что люди не понимающіе жизни, называютъ любовью, это только извѣстное предпочтеніе однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ, непонимающій жизни, говоритъ, что онъ любитъ свою жену, или ребенка, или друга, онъ говоритъ только то, что присутствіе въ его жизни и жены, и ребенка и друга увеличиваетъ благо его личной жизни.

Предпочтенія эти относятся къ любви такъ же, какъ существованіе относится къ жизни. И какъ людьми, непонимающими жизни, жизнью называется существованіе, такъ этими же людьми любовью называется предпочтеніе однихъ условій личнаго существованія другимъ.

Чувства эти—предпочтеніе къ извѣстнымъ существамъ, какъ, наиримѣръ, къ своимъ дѣтямъ или даже къ извѣстнымъ занятіямъ, напр., къ на-